

Т.З. Позняк

Миграционные режимы российско-китайской границы на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в.*

T.Z. Poznyak

Migratory Modes of the Russian-Chinese Border in the Far East at the Second Half of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries

Статья посвящена российской иммиграционной политике в отношении китайцев на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Рассматриваются как законодательные нормы пересечения границы китайцами, так и причины и способы нелегальной иммиграции, а также меры российской власти по предотвращению нелегального пересечения границы.

Ключевые слова: иммиграционная политика, российско-китайская граница, китайские иммигранты, российский Дальний Восток, контрабанда.

Приграничные районы Сибири и Дальнего Востока с начала 1990-х гг. стали зоной активного взаимодействия населения по обе стороны границы, эта ситуация во многом сходна со сложившейся во второй половине XIX – начале XX в., поэтому **небезынтересным представляется** обращение к историческому опыту миграционного режима российско-китайской границы. Цель данной статьи – рассмотреть институциональные условия пересечения китайцами российско-китайской границы в пределах Амурской и Приморской областей во второй половине XIX – начале XX в., а также возможности, причины и способы нелегальной иммиграции. Амурская и Приморская области выбраны в качестве географических рамок исследования, так как во второй половине XIX – начале XX в. они представляли собой зону наиболее тесного российско-китайского приграничного взаимодействия.

Определение границы в пределах рассматриваемого региона произошло в середине XIX в. в результате заключения Айгуньского (1858) и Пекинского (1860) договоров между Россией и Китаем. В это же время в Российской империи юридически закрепляются условия пересечения границы иностранными подданными. 29 июля 1860 г. **был принят закон, определивший порядок перехода границы и пребывания**

The article is devoted to the Russian immigration policy concerning Chinese on the Russian Far East in second half XIXth – the beginning of XXth centuries. The author considers the legislation of crossing the border, the reasons and ways of illegal immigration and the Russian authority's measures to prevent illegal crossing the border.

Key words: immigration policy, Russian-Chinese border, Chinese immigrants, Russian Far East, smuggling.

иностранцев на российской территории [1, с. 52], 7 декабря 1864 г. император Александр II утвердил мнение Государственного Совета «О сроке, в течение коего иностранцы могут проживать в России по своим национальным паспортам» [2, с. 469]. Согласно этим указам иностранцы имели право проживать по национальным паспортам в России в течение полугода, а затем обязаны были на основании национального паспорта и личного заявления получить вид (билет) на жительство. Выдачей их ведал губернатор области, в которой проживал или куда приехал иностранец. Билет выдавался на год, по истечении которого нужно было брать новый.

Формально данное положение распространялось и на китайцев, пересекавших российско-китайскую границу. Однако вышеуказанные российско-китайские договоры заложили юридические основания для особого статуса китайцев на территории Российской империи и ограничили подконтрольность китайских иммигрантов российской власти. По Айгуньскому договору «заяские маньчжуры», оставшиеся проживать на российской территории на левом берегу Амура от Зеи на юг до деревни Хормолдзин, не только могли оставаться «вечно на прежних местах их жительства, с тем, чтобы русские жители обид и при-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI вв.» (шифр 2009-1.1-301-072).

теснений им не делали», но и получили фактически право экстерриториальности, так как находились под юрисдикцией китайского правительства. По условиям Пекинского договора находившиеся к моменту его заключения в Уссурийском крае китайские подданные могли оставаться на прежних местах и заниматься «рыбными и звериными промыслами» [3, с. 29, 35]. Особый статус этих групп китайцев на российской территории породил множество проблем для региональной администрации. Договоры учитывали ситуацию, сложившуюся к моменту их подписания, но не могли учесть будущего массового притока китайских отходников на российскую территорию. Кроме того, одна из статей Пекинского договора, подкрепленная «Правилами для сухопутной торговли между Россией и Китаем» 1862 г., установила беспошлинный порядок приграничной торговли на расстоянии 50-ти верст по обе стороны границы и фактически разрешала свободный переход границы для совершения торговых операций [4, с. 48].

Тем самым были заложены «мины замедленного действия», приведшие к ослаблению непроницаемости границ и впоследствии с изменением миграционной и экономической ситуации в регионе, побудившие власти (в первую очередь региональные) к активной законодательной работе по исправлению положения, сложившегося на начальном этапе освоения региона, когда в условиях малочисленности российского населения и необходимости быстрого закрепления на присоединенных территориях ставка на заселение региона не только россиянами, но и иммигрантами была вполне обоснована и необходима. Показательными в этом плане являются изданные 27 апреля 1861 г. Правила о поселении русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири, которые установили одинаковые льготы для русских и иностранных переселенцев в регион.

После так называемой манзовской войны 1868 г. и в условиях роста иммиграции власти начали осознавать, что присутствие иммигрантов в регионе вызывает немало проблем, но решить их региональная администрация не могла из-за слабости административных ресурсов, старания избежать дипломатических осложнений и невозможности обойтись без иностранного участия в освоении региона. Изменение миграционного режима произошло в начале 1880-х гг. в связи с переходом к политике ограничения иностранного влияния в регионе. Символичным стало изменение Правил для поселения, которые 26 января 1882 г. были продлены еще на 10 лет: льготы, предоставляемые ранее всем категориям поселенцев, распространялись теперь только на российских подданных, и лишь в особых случаях с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири – на отдельных переселенцев из иностранных подданных [5, с. 191–200, 205–207; 6, с. 45–46].

В 1884 г. приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф утвердил Временные правила о порядке выдачи китайским подданным русских билетов, согласно которым их разделили на две группы. Эти правила фактически закрепили порядок, существовавший в соответствии с российско-китайскими договорами, и стали ответом на увеличение масштабов китайской иммиграции за прошедшее время. Первой группе – китайцам, находившимся в крае до заключения Пекинского договора 1860 г., выдавались бессрочные паспорта с указанием в них постоянного места жительства и занятий с уплатой лишь гербового сбора в размере 80 коп. Вторая группа – китайцы, прибывавшие в Россию на время заработков, была обязана подчиняться общим для иностранцев правилам въезда и проживания в Российской империи: переход границы совершать только в специально отведенных местах, предъявив и завизировав национальные паспорта с уплатой 30 коп. сбора. По этим паспортам они имели право находиться в области в течение месяца, а затем должны были взять русский билет (вид на жительство) на год с уплатой 1 руб. 20 коп. Эти правила были введены в действие с 1 мая 1885 г. в Приморской области, и с 1 августа 1886 г. – в Амурской области властью приамурского генерал-губернатора и не имели силы закона [7, с. 40–41].

Спустя несколько лет эти мероприятия были одобрены правительством. 17 мая 1888 г. Александр III было утверждено мнение Государственного совета, предоставившее приамурскому генерал-губернатору право «в виде опыта на 10 лет» устанавливать особые сборы с проживавших в крае китайцев и корейцев, не владевших недвижимостью и не занимавшихся торговлей. 29 ноября 1889 г. (теперь на законном основании) были приняты новые Правила о порядке выдачи в Приморской области китайским подданным русских билетов, вступавшие в действие с 1 января 1890 г., и такие же правила в Амурской области. Подобный порядок был распространен и на корейцев. В течение продолжительного срока содержание правил оставалось почти неизменным, за исключением размеров сборов, порядка их перераспределения и мест визирования паспортов. С помощью правил планировалось установить для китайцев и корейцев порядок пересечения границы, облегчить контроль за этими категориями иммигрантов, снизить иммиграционный поток из Китая и Кореи, пополнить казну и получить денежные средства для содержания соответствующего штата чиновников и решения санитарно-эпидемиологических проблем. Действие закона 17 мая 1888 г. неоднократно продлевалось – с 22 марта 1899 г. до 17 мая 1901 г. и с 4 мая 1901 до 17 мая 1902 г. Во время Русско-японской войны формально закон не пролонгировался ввиду обстоятельств военного времени, но был продлен сразу после ее окончания высочайшим

повелением от 26 октября 1906 г. до 17 мая 1907 г. [8, л. 2–4; 9, л. 134, 182–183, 219].

Таким образом, в 1860–1880-е гг. институционально были определены правила пересечения китайцами русско-китайской границы и сделана попытка установить контроль за иммиграцией. В реальности нелегальная иммиграция была широко распространенным явлением, корни ее были заложены институциональными условиями, а возможность незаконного пересечения границы обусловлена отсутствием регулярной охраны, а также повседневной традиционной практикой приграничного взаимодействия. На российско-китайской границе не существовало привычной современному восприятию контрольной полосы, хотя целый ряд мер был принят для создания регулярной охраны, в том числе заселение приграничной полосы казаками, установление пограничных столбов, таможенных и пограничных постов и пр. Это было связано с отсутствием технических возможностей и материальных ресурсов для обустройства защищенной границы, природно-географическими условиями и большой ее протяженностью. Большая часть границы в пределах рассматриваемого региона проходила по рекам Уссури и Амуру, которые, в свою очередь, являлись не только естественным рубежом, своеобразной нейтральной полосой между Россией и Китаем, но и служили удобным путем для летнего и зимнего сообщения между селениями, расположенными как на китайской, так и российской стороне. Протяженная, фактически не охраняемая морская береговая полоса, близость Китая и Кореи делали возможным проникновение морем нелегальных иммигрантов, контрабандных товаров, незаконный вывоз природных ресурсов с российской территории.

Региональные власти и не отрицали открытости границы и отсутствия материальных, людских ресурсов и технических возможностей для исправления подобного положения [10, л. 103–103об.]. Крестьянское и особенно казачье население приграничной полосы часто посещало китайскую сторону, не имея на то необходимых документов, выдаваемых для казаков поселковыми и станичными правлениями, для крестьян – местными полицейскими властями. Часть населения перевозила для китайских купцов пассажиров и грузы через границу, ездила за продовольственными товарами для своих надобностей, арендовала сенокосные угодья на китайской стороне [11, с. 56–57].

Значительные масштабы нелегальной иммиграции были обусловлены и особенностями состава иммигрантов, большинство из которых составляли малоимущие крестьяне, прибывавшие в регион для заработков. Основными поставщиками китайской рабочей силы на российский Дальний Восток были провинции Чжили и Шаньдун. Вербовкой и перевозкой китайцев ведали либо конторы по вербовке,

либо агенты-подрядчики. В начале XX в. после строительства КВЖД основных путей следования легальных мигрантов стало несколько. Следовавшие из провинций Чжили и Шаньдун добирались до порта Чифу, где либо самостоятельно, либо через конторы и подрядчиков получали паспорта, визировали их в русском консульстве и морским путем на пароходах отправлялись до Владивостока, откуда разъезжались по региону к местам работы. Другая часть также морем отправлялась в порты Далянь, Инкоу или Аньдун, затем по железной дороге – до Куаньчэнцзы и Харбина, откуда по железной дороге в Забайкальскую или Приморскую область, по реке – в Амурскую. Оформление документов и переезд обходились недешево: от Чифу до Дальнего проезд на пароходе стоил 1 руб. 80 коп., до Инкоу – 2 руб. 80 коп., поездом от Дальнего до Куаньчэнцзы – 2 руб. 25 коп., до Харбина – 5 руб. Отсутствие средств и документов вынуждало многих нелегально переходить границу [12, с. 8–11].

Основную массу нелегальных иммигрантов перевозили на российскую территорию на китайских и корейских шаландах и высаживали в окрестностях Владивостока или в любом месте на побережье. Они переходили границу в районе Посьетского стана и направлялись в Барабаш и оттуда на шлюпках и шаландах – в город. Часто нелегалы прибывали в российские порты и на пароходах. Докладные записки чиновников свидетельствуют о плохом состоянии надзора за прибытием и отбытием китайцев на пароходах. Контроль в пунктах прибытия, кроме Владивостока, полицейские власти фактически не производили, да и в последнем это делалось не всегда. Только администрация пароходов при продаже билетов или в пути при контроле проездных билетов проверяла наличие национальных паспортов у китайцев. Китайцы, приехавшие на пароходах во Владивосток, не дожидаясь полицейской проверки, беспрепятственно рассеивались по городу.

Судить о масштабах нелегальной иммиграции достоверно невозможно. Весьма неточными и косвенными свидетельствами являются статистические данные о штрафах, уплаченных азиатскими иммигрантами за отсутствие русских билетов. В Амурской области было взыскано с китайцев и корейцев в 1906 г. – 9655 руб. штрафов, в 1907 г. – 12910 руб., в 1908 г. – 20295, в 1909 г. – 76670, в 1910 г. – 61905, в 1911 г. – 54610, в 1912 г. – 79570 руб.; в Приморской области за те же годы – 21447, 50552, 47016, 35002, 54025, 89925, 144600 руб. соответственно [13, л. 156, 164, 247об., 367об., 431, 473, 973]. Эти данные отражают не только растущую динамику нелегальной иммиграции, но и отчасти успехи административных органов в борьбе с ней.

Русско-китайскую границу свободно пересекали и отряды хунхузов (разбойников), действовавшие по обе стороны границы. Проблема хунхузничества

в регионе встала фактически сразу после включения его в состав России. Среди хунхузов на российской территории можно выделить несколько видов: пограничные, местные, действовавшие в городах, таежные и прибрежные пираты. Банды пограничных хунхузов действовали в приграничных районах Маньчжурии, периодически переходили на нашу сторону «благодаря совершенно открытой пограничной полосе с Китаем», а в случае опасности вновь скрывались на китайской стороне. Это затрудняло борьбу с ними воинскими командами, посылаемыми для задержания хунхузов после их нападений на села, заимки на российской стороне [14, л. 4, 104–105, 122об.]. В 1910 г. в Приморской области и в 1912 г. в Амурской были проведены совещания по выработке мер по борьбе с хунхузничеством. Участниками совещаний в Приморской области в качестве таковых предлагались: строгая регистрация китайского населения, выселение безбилетных и «неблагонадежных» китайцев, организация самообороны населения (дружины и продажа оружия населению), облавы с помощью войск весной и осенью в районах, где наиболее активно действовали шайки хунхузов, рейды миноносцев вдоль побережья залива Петра Великого, обследование островов и пр. [10, л. 80–109об.; 14, л. 5–9, 34; 15, л. 59].

Постоянные нарушения российско-китайской границы были связаны и с незаконным перемещением товаров через границу в обе стороны: в Россию шел поток мануфактурных и продовольственных товаров, спиртных напитков, опиума, табака, в Китай – золота, женьшеня, древесных грибов, морской капусты и других природных ресурсов. В 1900 г. Владивостокской таможней было выявлено 77 случаев контрабанды на сумму в 2606 руб., в 1901 г. – 499 на 92796 руб., в 1902 г. – 322 на 19689 руб. [16, с. 30; 17, с. 155].

В качестве наглядного примера можно привести сведения только об одном виде контрабанды – дешевого китайского спирта – ханшина. По свидетельству В.К. Арсеньева, производство и контрабанда ханшина были весьма выгодны. Ведро простого вина в питейных заведениях дальневосточных городов стоило 10 руб., столового – 12 руб., ханшин же (1¼ ведра) крепостью не менее 60 – от 2,5 до 3 руб. в Южно-Уссурийском крае, в Сахалине – 3,5–4,5 руб., в Благовещенске – 4,5–6 руб., в Мохэ – 5–7 руб. При раздробительной продаже в городах и в русских селениях бутылка китайского спирта обходилась в 20–30 коп. [18, с. 137]. Неудивительно поэтому его популярность не только у китайцев, но и русских крестьян, казаков и горожан, чему способствовала и безнаказанность перевозок его через границу.

Спирт и опиум были запрещены к ввозу в Россию указом императора Александра II от 2 апреля 1862 г., но соответствующих норм и наказаний в российском законодательстве выработано не было, поэтому

единственным наказанием долгое время оставалась конфискация контрабандного товара, а затем и средств транспортировки. Только в 1901 г. был введен штраф и трехмесячное заключение за контрабанду спиртных напитков, а в 1915 г. – введена уголовная ответственность [19, с. 18–19]. Однако, несмотря на ужесточение законодательства и усиление охраны границы, контрабанда ханшина только нарастала, а принятие правительством 16 августа 1914 г. закона «О продлении воспрещения продажи спирта, вина, водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени» с началом Первой мировой войны только «подлило масла в огонь». В Амурскую область, где контрабандный спирт либо перевозился через Амур в русские селения, расположенные вдоль него, либо крестьяне переправлялись для его потребления на китайскую сторону, из Китая было перевезено в 1913 г. 48245 ведер спирта, в 1914 г. – 21992, в 1915 г. – 47510. Всего же в Приморской и Амурской областях в 1914 г. было ввезено 225 тыс. ведер контрабандного спирта из Китая [16, с. 31; 20, л. 38–40, 123–124].

Контрабандой активно занималось приграничное население по обе стороны границы, но главными контрабандистами были русские, китайцы и корейцы им уступали почти вдвое. Прослеживается несомненная связь между степенью распространенности контрабанды ханшина и близостью границы с Китаем, наибольшее ее распространение было характерно для станиц Уссурийского казачьего войска, земли которого находились в непосредственной близости с границей вдоль Усури [21, с. 102–104].

После Русско-японской войны проблема проницаемости границы приобрела столь масштабный характер, что стала постоянной «головной болью» региональной власти и потребовала настоятельного и скорейшего решения. Приоритетным направлением было ограничение масштабов иммиграции, учет иммигрантов, пресечение нелегального проникновения на российскую территорию. По мнению региональных властей, существующие правила пересечения границы не отвечали требованиям дня. На совещаниях в Благовещенске (летом 1907 г.) и во Владивостоке (11 совещаний с октября 1907 г. по май 1908 г.) был выработан ряд предложений для очередного проекта правил, представленного 22 марта 1908 г. министру внутренних дел. Основные предложения проекта заключались во введении обязательной выборки билетов не только для мужчин, но и для женщин и детей старше 10 лет; получении билетов непосредственно при переходе границы; запрещении частным лицам, казенным и общественным учреждениям принимать на работу китайцев и корейцев без билетов или с просроченными билетами и пр. [8, л. 27–29].

23 и 26 мая 1908 г. эта проблема обсуждалась на междуведомственном совещании при Министерстве

внутренних дел, причем большинство предложений было поддержано и включено в новый проект правил, который рассматривался и был поддержан на заседании Совета министров 3 июня 1908 г. Однако Государственный совет 19 декабря 1909 г. законопроект на основе этих правил отклонил как недостаточно проработанный и решительный [22, л. 2–8].

Только в период пребывания на посту приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти начались определенные подвижки в этой области. 21 июня 1910 г. император Николай II утвердил принятый Государственной Думой «Закон об установлении в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» [23, л. 1–1об.]. Недостатком закона с точки зрения региональной администрации было отсутствие мер, обеспечивавших полный охват китайцев и корейцев регистрацией и борьбу с беспаспортными лицами, поэтому на региональном уровне продолжались попытки не только выработать соответствующие предложения и выйти с ними на уровень правительства, но и самостоятельно решить эту проблему. 25 февраля 1911 г. Приамурский генерал-губернатор издал обязательное для всех городов края постановление №5, где запрещалось иметь в качестве прислуги, низших служащих и домашних рабочих китайцев без «личных наемных книжек». Городские полицейские управления устанавливали форму книжек и вели регистрацию китайцев. Ответственность за несоблюдение постановления возлагалась на работодателей [29, л. 227–227об.].

На снижении масштабов иммиграции и уменьшении численности нелегалов сказались также мероприятия по предотвращению проникновения на российскую территорию эпидемии чумы. Осенью 1911 г. разразилась чума в Китае, включая Маньчжурию и зону КВЖД. Опасность перенесения эпидемии на российскую территорию вызвала ужесточение условий иммиграции: санитарно-исполнительными комиссиями областей были приняты постановления, запрещавшие китайским рабочим въезд в Амурскую и Приморскую области [24, л. 61–65, 71, 101, 130]. В городах проводились массовые облавы для проверки документов у китайцев, безбилетных и безработных высылали на пароходах в Китай.

В 1912–1913 гг. региональная администрация выступила с дальнейшими инициативами по ужесточению порядка пребывания иммигрантов на российской территории, но они вызывали сопротивление министерств и ведомств, указывавших на опасность дипломатических осложнений и противоречия с существующими договорами. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти в апреле 1912 г. по собственной инициативе изменил правила выборки русских билетов, обязав китайцев и корейцев получать русские билеты

не в течение месяца, а непосредственно при пересечении границы, обосновав это тем, что полицейская служба не в состоянии следить за получением билетов китайцами, успевавшими за месяц разойтись по краю. Кроме того, значительную часть нелегальных иммигрантов составляли лица, проникавшие на российскую территорию под видом приграничных жителей. Для последних был также установлен порядок перехода границы – их пропуск «по сельскохозяйственным и иным надобностям разрешался только по выдаваемым китайцам их пограничными властями пропускным билетам, составленным на русском языке, действительным в пятидесятиверстной пограничной полосе, годным на три дня и оплачиваемым 75 коп. гербовым сбором при переходе границы» [13, л. 491–492]. Положительно сказалось и утверждение 10 сентября 1912 г. Николаем II Положения Совета Министров о продлении Петербургского российско-китайского договора 1881 г. на новое десятилетие и отмене с 1 января 1913 г. постановления о беспошлинной торговле на российской территории в пределах 50-верстной полосы вдоль границы.

На межведомственном совещании по делам Дальнего Востока 9 апреля 1913 г., посвященном изданию общего иммиграционного закона для областей Дальнего Востока, вновь были разработаны пожелания для проекта закона, который включал множество пунктов, главные касались получения русских билетов непосредственно при пересечении границы; увеличения сбора до 10 руб.; запрещения въезда нетрудоспособным иностранцам; введения ответственности лиц, державших у себя в качестве жильцов, арендаторов, работников безбилетных иностранцев [25, л. 3об.–7об.]. Основная цель предложений состояла в полном обеспечении русскими визами иммигрантов, ограничении их притока и запрещении въезда лицам, неспособным обеспечить себе пропитание. Однако из-за разногласий между МВД и МИДом по поводу этого проекта ни общероссийский иммиграционный закон, ни закон для Дальнего Востока так и не были приняты.

С началом Первой мировой войны перед правительством встали другие проблемы, вопрос об ограничении корейской и китайской иммиграции утратил прежнюю остроту, напротив, массовая мобилизация российских рабочих сделала жизненно необходимым привлечение иностранного труда не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири и даже в Европейской России, что привело к ослаблению миграционного режима российско-китайской границы.

Таким образом, хотя юридически на российско-китайской границе существовали те же правила пересечения границы, что и в европейской части страны, миграционный режим для китайцев после вхождения Приамурья и Приморья в состав России отличался от общепринятого для иностранных подданных, что во

многим стало следствием уступок китайской стороне в двухсторонних договорах и объективных потребностей региона, стратегическое закрепление и освоение которого было невозможно без поступления продовольствия, товаров первой необходимости и рабочей силы из-за границы. Положение усугублялось объективной невозможностью установить действенный контроль границы на всем ее протяжении в пределах

Амурской и Приморской областей. Региональные власти признавали проницаемость границы и по мере сил старались бороться с ее последствиями, постепенно переходя ко все большему ужесточению пограничного режима и ограничению иммиграции из Китая и Кореи, однако с началом Первой мировой войны поступательный ход развития этого процесса был нарушен.

Библиографический список

1. Коробченко А.И., Синиченко В.В. Паспортно-визовые правила и правовое положение иностранцев на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. // *Восток*. – 2009. – №6.
2. Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. – Т. 39. – СПб., 1867.
3. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. – М., 1958.
4. Троицкая Н.А. Тоска о порто-франко. Из истории таможенной политики на русском Дальнем Востоке // *Россия и АТР*. – 1995. – №4.
5. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. – Т. VIII. – Ч. II. – Иркутск, 1884.
6. Позняк Т.З. Политика российской власти в отношении иммигрантов на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // *Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*. Сер. отеч. ист. – Т. XIII. Дальний Восток России: проблемы социально-политического и культурного развития во второй половине XIX–XX вв. – Владивосток, 2006.
7. Нестерова Е.И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1897 гг.) // *Вестник ДВО РАН*. – 2000. – №2.
8. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 595.
9. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 755.
10. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 725.
11. Макуха Н.А. Проблема контрабанды спирта на российско-китайской границе в начале XX в. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. – Вып. 6. – Благовещенск, 2003.
12. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // *Труды Амурской экспедиции*. – Вып. 11. – СПб., 1912.
13. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 653.
14. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 747.
15. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 721.
16. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). – Владивосток, 2009.
17. Беляева Н.А. Из истории Владивостокской таможни: становление. 1899–1914 гг. // *Известия РГИА ДВ : сб. науч. тр.* – Т. 5. – Владивосток, 2000.
18. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае : ист.-этногр. очерк // *Записки Приамурского Отдела ИРГО*. – Т. 10. – Вып. 1. – Хабаровск, 1914.
19. Решетнев И.А. Деятельность органов государственной власти Российской империи по борьбе с правонарушениями подданных азиатских стран в Дальневосточном регионе (1858–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2007.
20. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 872.
21. Обзор Приморской области за 1914 год. – Владивосток, 1915.
22. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 590.
23. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 181.
24. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 361.
25. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 823.